

«АПОСТОЛ АНДРЕЙ»

ДНЕВНИКИ НОВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

[Окончание. Начало читайте в №5/2012]

АННА ЗОЛОТИНА, НИКОЛАЙ ЛИТАУ
ФОТОГРАФИИ АННЫ ЗОЛОТИНОЙ

Покинув гостеприимный Баренцбург, «Апостол Андрей» взял курс на север — в Конгс-фьорд, продолжая идти по следам экспедиции Владимира Русанова.

ОДНА МАЧТА И МНОЖЕСТВО ПТИЦ

Н.Л.: Пролив Форланнсуннет, по которому прошел русановский «Геркулес», отделяет Землю Принца Карла от Западного Шпицбергена. Особенность пролива в наличии мелководья, перекрывающего его в самом узком месте. Две косы выступают навстречу друг другу, образуя подводный порог, через который ведет узкий фарватер с глубинами, едва превышавшими осадку «Геркулеса». Здесь усиливаются приливно-отливные течения, создающие сулои. Даже мы, с эхолотом, электронной картографией и спутниковыми системами навигации, проходили это место, внутренне собравшись и восхищаясь мастерством капитана «Геркулеса», который благополучно провел свое судно в те стародавние времена.

Капитан Кучин поставил свое судно на якорь в южной бухте фьорда, примерно в том

месте, где сегодня находится поселок Нью-Олесунн. Мы подошли к нему среди ночи. У причала стояли две яхты. Ошвартовались рядом. Утром харбор-мастер выписал нам счет в размере 85 крон с человека и сказал, чтобы за пределы поселка без оружия не ходили.

Нью-Олесунн был когда-то самым северным в мире рудником. Расположен он почти на 79-й параллели. После аварии на шахте добыча угля была прекращена, а поселок отдан науке. Сегодня здесь работают ученые многих стран. Сам городок совсем невелик — десятка два строений. Есть музей, который всегда открыт. Экспозиция рассказывает о природе архипелага, о том, как добывали уголь век тому назад. На берегу фьорда сохранился кусок железной дороги, почти игрушечный паровозик куда-то тащит четыре вагонетки. Есть магазин, кафе и почта, но они в день нашего прихода не работали. На центральной

площади установлен бюст Амундсена, а за поселком главная достопримечательность — причальная мачта для дирижаблей. Отсюда в 1926 году на дирижабле «Норвегия» Амундсен отправился в перелет через Северный полюс. От этой мачты два года спустя отошел дирижабль «Италия» Умберто Нобиле...

Над всем этим: городком, фьордом, мачтой и паровозиком — возвышаются три пирамидальные вершины Тре-Крунер — три короны. Они то кутаются в плотные туманы, то ненадолго открывают свои суровые вершины восхищенным зрителям. Осмотр музея, фото на память у Амундсена и прогулка к мачте едва ли заняли у нас два часа. На обратном пути зашли на почту. Пока команда готовила послания, я общался с экипажем норвежской яхты «Sylibra». Вначале обсудили достоинства нашего оружия — человек с ружьем здесь обычная картина. Только в Лонгйире и Баренц-

бурге оружие должно быть разряженным, а в остальных местах, включая поселки Нью-Олесунн и Свеа, можно ходить вооруженным до зубов. Затем пустились в историческое прошлое. Пришлось остановить норвежского капитана, когда он собрался рассказывать, кто такой Амундсен. Шкипер был приятно удивлен нашей осведомленности и порадовался популярности норвежского героя в России. Про Русанова же он слышал впервые, но очень живо и искренне заинтересовался его историей. Мы порекомендовали ему посетить

музеи в Баренцбурге и бухте Колс. На прощание норвежец вдруг поинтересовался: поднимался ли я на причальную мачту? Вопрос этот породил смущение в душе: а почему бы и не забраться-то?..

Напротив Нью-Олесунна расположен остров Бломстранд. Когда-то это был полуостров, таким он считается и в лоции, но сведения уже устарели. Ледник, лежавший на перешейке, истаял, и вместо косы обнаружился пролив, и полуостров стал островом. Но интересен Бломстранд не только этим. На бере-

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЕ ЛОДОЧНЫЕ МОТОРЫ **torqeedo** STARNBERG.GERMANY

121108 Москва, ул. Кастанаевская д.42 к.2
Тел.: +7(499) 730-55-00
e-mail: info@czar.ru; www.czar.ru

гу, в бухточке, обращенной к Нью-Олесунну, есть заброшенный поселок Нью-Лондон (не особо оригинальны в выборе названий были основатели обоих «Нью-Нью»). В 1910 году англичанин Мэнсфилд обнаружил здесь запасы мрамора. Будучи человеком предприимчивым, он привлек единомышленников, создал изыскательскую компанию, зафрахтовал судно, привез людей, технику и динамит. Работа закипела.

Русанов писал М.М.Пуришкевичу: «С большой подробностью удалось осмотреть все американские, английские и норвежские угольные предприятия и только что возникшие, но многообещающие английские ломки мрамора». А вот чего русский геолог уже не увидел: за 10 лет был построен порт, проложена железная дорога к мраморным копиям, первые глыбы были отгружены на корабль и поплыли из Нового Лондона в старый. С большой помпой была подготовлена выставка образцов, лучшие легли на выставочный стол дожидаться утра и открытия. Когда занавес отдернули, все увидели лужу, а на столе — горки песка вперемешку с мраморным крошевом. Ценный камень оказался всего лишь плитками вечной мерзлоты. Честно говоря,

мне непонятно, как можно было принять глыбы льда за мрамор. От всей этой истории веет авантюрой и надувательством.

После 20 часов в Нью-Олесунне мы переместились в соседний Кросс-фьорд. Здесь экспедицией Русанова были установлены четыре последних заявочных столба. После этого «Геркулес» вышел в Гренландское море для промеров 140-верстного гидрологического разреза у западного берега Земли Принца Карла. Мы же, прогулявшись пешком по берегу Кросс-фьорда, пошли к леднику с труднопроизносимым названием Лиллиехека. Пошли фотографироваться на фоне его красот, а заодно испытать аварийно-спасательные костюмы в реальной обстановке. И то и другое удалось в полной мере: глетчер время от времени с пушечной канонадой сбрасывал в воду лишние тонны льда, волны докатывались до нас через минуту, раскачивая мачты «Апостола» и подбрасывая тузик со съемочной группой.

Нарезвившись и пройдя вдоль великолепных утесов полуострова Короля Хокона, вышли в открытое море. Здесь нас ждал свежий благоприятный ветер, и «Апостол» резво помчался на юг к ставшему уже родным

причалу Баренцбурга. «Геркулес» придет сюда, к мысу Финнесет, 23 августа 1912 года. Три участника экспедиции: завершившие работы Рудольф Самойлович, зоолог Сватош и заболевший боцман Попов — переседут на норвежский пароход. Русанов отправит два последних письма Пуришкевичу и телеграмму: «Исследования на Шпицбергене закончены, вся программа выполнена, поставлено 28 заявок. Собраны палеонтологическая, зоологическая и ботаническая коллекции. Обследована вся горная промышленность Шпицбергена. Иду на восток».

А.З.: Не знаю, как в других городах, а в Калуге городская птица совсем разважничалась. Иной раз торопишься, наткнешься на стайку рассыпавшихся по всему тротуару голубей — млеют, расшнуровавшись, солнечные ванны принимают. Я им: «Уступите дорогу, пожалуйста», а в ответ: «Не трамвай, обойдешь». И ведь обходишь! Если кто из них и посторонится, то непременно вразвалочку, не торопясь, так и хочется под ленивый сизый зад пнуть, чтоб про крылья вспомнил. Так вот, даже калужский голубь побелел бы от зависти, узнай он, как живет его сородичам в Нью-Олесунне. Человеку в этом поселке ходить разрешается только по каменным тропинкам. Все остальное пространство — птицам. Кругом таблички с портретом гуся и написано, мол, если ты крылат, добро пожаловать, если нет — ступай мимо.

Сергей наш Бармин хотел подойти к плите, видневшейся поодаль, полюбопытствовать, кто похоронен и вообще могила ли это. Так дорожки мы не увидели, похоже, посетить ее имеют право только куропатки, чистики, бакланы и прочие пернатые, которые, между прочим, ведут себя совсем не по-дружески, задираются все время, норовят клюнуть в темечко.

Я напугала одного птенца, он гулял, кстати, по каменной моей территории, желторотик разгунделся, и мгновенно из ниоткуда явилась мамаша, слава Богу, одна. Выяснила у мальчика, кто обидчик, и бросилась на меня в атаку, пикировала, как самолет, спасибо, бомбами не забросала.

Месяц бродяжничаем, пора бы уже и весточку друзьям послать. На почте никого, но можно зайти, на подоконнике лежат печати с изображением карты Шпицбергена и птицы, как раз той, что на меня напала. Проштамповали стопку конвертов, отправили письма.

А вот в магазин не попали — его открывают, когда приходит пароход с туристами.

Жаль... Не удалось купить сувенирную кружку с изображением причальной мачты для дирижаблей. Мачта эта — самое примечательное, что есть в Нью-Олесунне. И капитану нашему вдруг понадобилось на нее взобраться. Перед самым отплытием! Как вернусь, говорит, так отходим, готовьтесь. И ушел. Бррр... Ледяные перекладыни лестницы, ни перил, ни страховки, высота 30 метров... И непонятно, зачем туда карабкаться, но в голове ясная уверенность: очень нужно! У меня так же бывает.

Скоро в текущем сквозь туман луче солнца, как звезда на Кремлевской башне, засияла фигура в красном непромоканце. Порадовались за командира — здорово смотрится!

Прощаясь с городком, снова зацепилась взглядом за мачту. Батюшки! Капитан вернулся, а сияние осталось.

— Смотрите, кэп, вас и здесь и там показывают!

— Так это красный фонарь зажгли, самолеты отпугивать... »

КОМУ В ПУТЬ, ТОМУ ПОРА!

Н.Л.: Вот и пришла пора прощаться с Баренцбургом. Как бы хорошо там ни было, как нас ни привечали, ни окружали заботой и теплом, а дорога опять звала.

Попрощавшись с новыми друзьями, мы переместились в Лонгйир. Перед тем как покинуть Шпицберген, нужно было сдать в административную разрешенную на плавание, указав, в каких местах архипелага мы побывали и сколько дней там провели.

Это был, конечно, предлог, ведь разрешение мог завезти кто-нибудь из жителей Баренцбурга, просто нам понравился этот симпатичный городок. Хотелось еще раз, прежде чем идти в места неприятные, прикоснуться к благам цивилизации, прогуляться по магазинам, посетить полюбившийся ресторанчик «KROA», где по-русски написано «На самом

краю света». На этом краю света подают карпаччо из копченого кита и стейк из нерпы, да простят меня борцы за права животных.

После Лонгйира путь наш лежал на юг, в сторону дома. Но по пути нужно было посетить еще одно место в архипелаге — залив Белльсунн и его продолжение Ван-Мейен-Фьорд. Эти места тоже связаны с именем Владимира Русанова: именно отсюда он начал обследование архипелага. Мимо Белльсунна мы прошли еще по пути в Баренцбург — в первую очередь следовало оформить заход и разрешение. Потому хронология нашего следования за «Геркулесом» оказалась слегка нарушена.

Фьорд Ван-Мейен отделен от залива Белльсунн узким и низким островом Аксель. Когда я знакомился с картами этих мест, то удивленно задавался вопросом: как природа могла так точно расположить остров, что выглядит он, словно искусственная плотина?

С попутным приливным течением «Апостол» прошел в узкий проход, и вот мы уже защищены от всех бурь и волнений Гренландского моря, если таковые случатся. «Геркулес» же 100 лет назад, пройдя за остров, укрылся ото льдов.

«Южный рукав залива Бель-Зунд оказался весь наполнен льдом, а северный рукав (сегодня это Ван-Мейен-Фьорд), защищенный длинным островом Акселя, оказался совсем свободным ото льда», — так писал Русанов век назад. Пройдя до середины фьорда, мы встали на якорь у его северного берега. Нашей целью в данном случае были не следы Русанова, а останки древнего поморского судна, обнаруженного Вадимом Старковым. Кораблек изрядно был занесен песком и щебнем, только верхние концы шпангоутов и остатки штевня возвышались над поверхностью. Но контур его четко вырисовывался, и мы могли шагами

померить длину древнего суденышка и даже постоять «внутри».

Обсуждая находку, провели вечер на рейде, решив остаться здесь до утра. Но ровно в полночь «Апостол Андрей» заворочался, и якорь пополз. Наступило 9 августа — день спуска нашей яхты на воду. Пришлось внять пожеланию судна и перейти в восточную оконечность Ван-Мейен-Фьорда — бухту Риндерс.

Встали в виду ледника Паулы. Как раз читаем о нем у Русанова: «Найдя удобную пристань у одного глетчера, мы занялись обследованием северного Бель-Зунда».

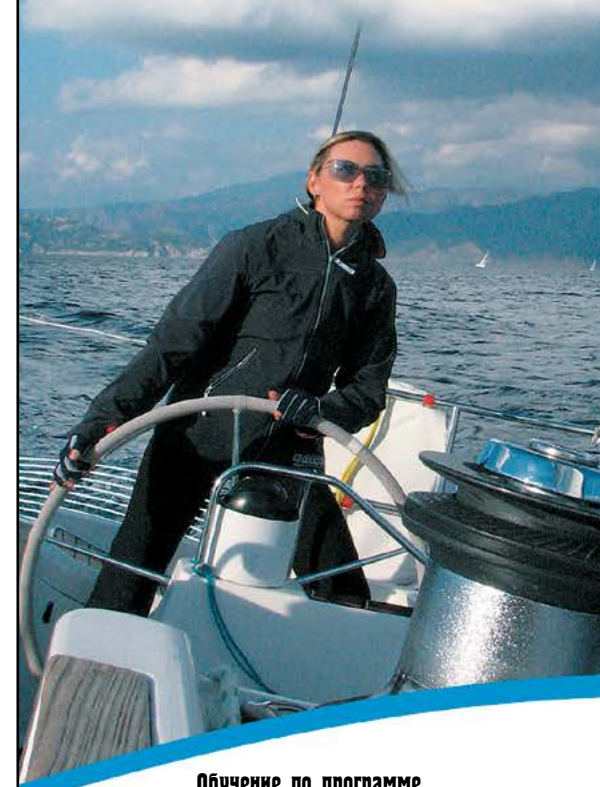
После завтрака подняли якорь и подошли вплотную к кромке ледника. Где-то здесь Русанов высадился на берег и предпринял с двумя матросами переход по ледникам на запад-

ный берег Шпицбергена, «чтобы достигнуть Стур-фиорда». Поход длился 6 дней и оказался непростым: идти пришлось по глубокому снегу, пропитанному водой, спать на льду. На обратном пути Русанов чуть не погиб, провалившись в 100-метровую трещину. Изрезав себе руки, геолог чудом удержался на снежном карнизе.

На берегу Стур-Фьорда Русанов делает три заявки, а также убеждается, что весь пролив забит дрейфующими льдами и для судна непроходим. А значит: «...я не пойду в Стур-фиорд, сэкономив таким образом время на обследование как западного побережья, так и лежащей к востоку от Шпицбергена обширной и в значительной мере неизвестной области Ледовитого океана». »

МОСКОВСКАЯ ЯХТЕННАЯ ШКОЛА

Обучение по программе
International Yacht Training
с выдачей российских и международных сертификатов:

**ЯХТЕННОГО КАПИТАНА,
ШКИПЕРА, РУЛЕВОГО**
парусных и моторных яхт,
а также по программе ГИМС РФ

**НА ПРАВО УПРАВЛЕНИЯ
МАЛОМЕРНЫМ СУДНОМ**

Практические курсы и стажировка в:
Атлантическом и Индийском океанах,
Средиземном, Черном и Балтийском морях,
Онежском и Ладожском озерах.
Участие в регатах в России и за рубежом.

127994 Москва, Новосущевская ул., д. 22
(МИИТ), корпус №4, ауд. 4418
Тел./Факс (495) 684-21-79
Моб. (495) 510-5262
Моб. (495) 234-6803
e-mail: info@mys.ru

www.mys.ru

В самом Ван-Мейен-Фьорде Русанов ставит десять заявок на свободных местах между английскими и шведскими участками. Отмечает в письме, что разработка не начата еще нигде, только в самом углу фьорда у входа в бухту Браганца ставит заявки уже известный нам англичанин Мансфельд. Русанов пишет: «Шведы относятся скептически к английскому предприятию, считают его в значительной мере дутым...» Сегодня в этом месте расположен поселок Свеагрува — центр норвежской угледобычи на Свальбарде.

Отсняв ледник Паулы, мы направились в бухту Свеа. И неожиданно перед нами встала непростая навигационная задача: чему верить? Два компьютера с картами «Транзас» и С-МАР дружно говорили, что к причалу нам не пройти — мелко. Бумажная же карта со свежей корректурой утверждала обратное: воды достаточно. Дальнейшие события показали, что на этот раз правым оказалось большинство: уселись мы на мель аккуратно в точке, где предсказывала электроника, прямо на фарватере.

О том, как устарели наши отечественные навигационные пособия, мне приходилось не раз в этом плавании убеждаться. Но это отдельный разговор и жаль, что он сегодня в нашей стране, кажется, мало кому интересен.

Снявшись с мели, мы встали на якорь в стороне от так называемого фарватера и дву-

мя группами на тузике съездили на берег. Впечатление от посёлка было на редкость единодушным: абсолютно неинтересное место. Однообразные строения, взлетная полоса и дорога вдоль берега, по которой носятся большегрузные самосвалы, отвозя уголь к глубоководному причалу в паре километров от селения. Старый деревянный причал, к ко-

торому ведут створы и бывший фарватер, почти разрушен. Рабочее и унылое место, где не ждут туристов и ротозеев.

Мы переставили «Апостол» к южному берегу фьорда, в удобную бухту с живописным берегом и журчащим ручьем, и там встретили 16-ю годовщину спуска нашего судна.

10 августа (по старому стилю) 1912 года Русанов отправил в Санкт-Петербург доклад о завершении работ на архипелаге. 10 августа, сто лет спустя, мы могли сказать: намеченная программа выполнена, можно покидать Шпицберген.

А.З.: Все мы в этом плавании немножечко Русановы. Чтобы почувствовать себя Владимиром Александровичем еще больше, да и просто интереса ради решили десантироваться на ледник Фиттьоф.

Глетчер встретил гостей без радости: туману напустил, дождем захныкал. Нам он тоже сначала не очень-то глянулся: лед темный, перепачканный, грустный какой-то, все в низкой облачности... Но он был последним на нашем пути, а ползать, поснимать хотелось, поэтому я закуталась в одежду, отмотала рулон мягкой бумаги для объектива и вместе с капитаном и Сергеем Барминым покинула теплую яхту. Ушли на тузике в морось.

Потом, когда уже шагала по Фриттьофу, разглядела, какой он красивый: даже грязь была произведением искусства — замерзла причудливым рисунком в слоях прозрачного льда, создавая объем и демонстрируя его толщину.

По скользкой наклонной рваной поверхности ледника наш маленький отряд передвигался очень осторожно, опасаясь скатиться в пропасть. Сергей сказал: «Я шагаю, как пингвин». И правда, похож. Да я и сама так же, вперевалку, мелкими шажками, руки немного в сторону для равновесия. Надо же, прежде думала: они из-за веселого характера так смешно топают. Всегда считала эту птицу самой потешной и жизнерадостной из всех пернатых, а потому самой симпатичной. Так, пингвинами, мы и шли, цепляясь за фалды курток и друг друга, выбирались из трещин, грязевых болот, проползали через разломы по снежным мостикам. Вертели головами и фотоаппаратами, любовались. Заглядывали в бездонные расщелины. Казалось, упадешь и выскочишь на другом конце шарика, как раз к тем самым забавным птицам в темных фраках. Пока ледник не объявил: всё, дальше

не пущу. Впереди он был совсем искалечен, изжеван, скалился кривыми синими растрескавшимися зубами, глухо выл, теряя свои части... Я стояла у разлома завороченная, впившись взглядом в эту жуткую, неуютную, болезненную, агрессивную ледяную красоту. А далеко-далеко совсем крошечный «Апостол» приветливо кивнул нам гротом и бизанью: «Возвращайтесь». И мы вернулись домой. В тепло и к ужину.

ПЛЮС СЕМЬ, ПЛЮС ВОСЕМЬ

Н.Л.: В прошлом столетии Владимир Русанов оставил на Новой Земле такую телеграмму: «Юг Шпицбергена, остров Надежды. Окружены льдами, занимались гидрографией. Штормом отнесены южнее Маточкина Шара». Двенадцатый год этого столетия существенно отличался по ледовой обстановке. Льдов не было не только к югу, но и к северу от Шпицбергена.

Проследовать дальше маршрутом «Геркулеса» не удалось по причине, от нас не зависящей: пролив Маточкин Шар является районом, запретным для плавания (лоция Баренцева моря, часть II), но мы-таки решили пройти максимально близким путем. Раз Русанова отнесло южнее, то и мы туда же.

Как раз южнее Маточкина Шара находится открытый для мореплавания район Новой

Земли — залив Моллера. В этом заливе мы бывали два года назад, когда пытались зайти в Малые Кармакулы. В 2010 г. этого сделать не удалось — не позволила новоземельская бора. Нас буквально выдуло ветром обратно в море. Сегодня погода была благоприятной, но и в этот раз мы не смогли посетить поселок. Теперь из-за того, что побывали за границей и обязаны были вначале пройти соответствующие процедуры в порту «первого захода». Сколько препон и рогаток поставили люди сами себе по пути к свободе, демократии и

всеобщему братству!

Мы зашли в необитаемую бухту под названием Тройная, постояли на якоре, позанимались судовыми делами и продолжили плавание. 700-мильный переход от Шпицбергена разительно отличался от пути к нему. Если тогда мы шли курсом бейдевинд в «полупогруженном» положении, то теперь с хорошими попутными ветрами проходили по 150 миль в сутки, оставаясь совершенно сухими. Было уж как-то слишком тепло для Арктики — вода за бортом +7–8 °C. »

КИНДЕР, КИРХЕ, КЮХЕ

А.З.: Серега стрёб мои кудри в кулак, поднял над головой, посмотрел вопросительно: «Уверена?» «Давай», — кивнула я, и он с удовольствием лихо вывел первую просеку от затылка к бровям...

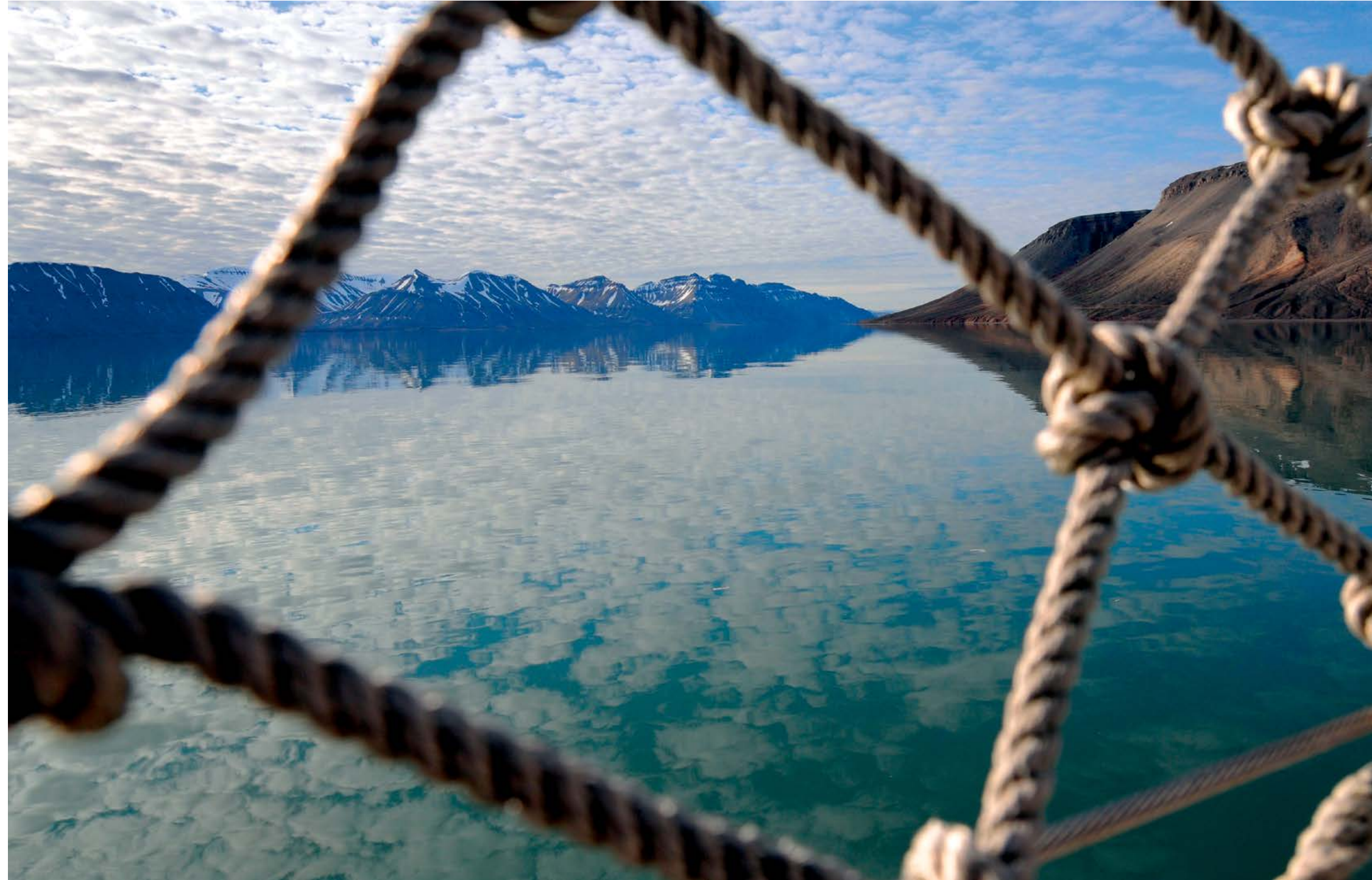
Когда все закончилось, я провела рукой по щетинке: легко, удобно. Глянула в зеркало: страшная, бритая и в тельняшке — типичный моряк!

А раз так, пойду рулить: надоело, что жизнь, как у немецкой фройляйн, состоит из одних «К». У той «киндер, кирхе, кюхе», а у меня — «койка, компьютер, камбуз». Дела и оргтехнику забросила на верхнюю полку, получила «добро» капитана и отправилась навстречу ветру...

Компас еще в начале плавания с ума сошел, зато появился ветроуказатель, ну и, конечно, всегдашние помощники: облака, волны, колдунчики — то ли бинты, то ли полоски портянок, привязанные к вантам. Если привести, стаксель становится похож на дряблую щеку — некрасиво. Уваливаюсь, и он щеку довольно надувает. Сейчас кто-нибудь из наших высунет бритую башку и скажет: «Возьми правее». Беру. Летим 9 узлов (для «Апостола» немало), волна то под корму пнет, то в бок толкает, яхта то лезет в гору, то скатывается. Лодка, как необъезженный жеребец, мечется, норовит вывалить из седла, держишь штурвал изо всех сил — «куда, ну-ка назад!», а иногда просто виснешь и держишься за него, чтоб не вылететь из кокпита...

Вот интересно, когда внутри яхты кача-

ешься — тошно, а наверху — ни капельки, одно удовольствие. Ну что за чудесная сегодня рулежка, и как здорово, что все это есть у меня: ветер вольный, с таким переменчивым характером, море, сегодня странного белесозеленого цвета, крылья — стаксель, грот и бизань. Кэп говорит, что бизань лишняя, но мне нравится, что их три: красиво и рулевому есть на что опереться. Грустно-серое небо создает

лирическое настроение...

Три навигации в Арктике. Вспоминаю все приключения, что чувствовала, что видела, чему удивлялась: Новая Земля — каменная, серая, мрачная; Земля Франца Иосифа — горы с плоскими вершинами; Шпицберген — острые скалы, опутанные снежными венами. Каждый архипелаг интересен, красив по-своему. Вспомнила, как бегала за белым

медведем и оленями, удирала от воинственной крачки, фотографировала моржей, тюленей, песка, лазила по ледникам, терялась в тумане, пила коктейль со льдом векового глетчера, видела день ночью, ненецких кроважных идолов, жонглировала чудом природы — сферолитами, любовалась отражением в зеркале штилевого океана и веселилась в шторм, оставив за бортом, кажется, все вну-

тренные органы. Обо всем этом я не прочитала в книгах, не услышала от знакомых — я это прожила. Один мой товарищ сказал: «Не важно, какой длины моя жизнь, важнее ее ширина». Три последних лет моя жизнь раздувается до невероятных размеров, вмещающая так много! А сейчас, возвращаясь домой, я управляю «Апостолом», и, кажется, он привыкает ко мне... ❖